УДК 802. – 5

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЛЕКСИКОНА НА ТЕРРИТОРИИ АВСТРАЛИИ

Козлова Т. О.

Одна из форм существования естественного языка представлена его территориальными вариантами, возникновение которых обусловлено географической дисперсией языка, и, как следствие, трансформацией его в полиэтничную систему. Так, например, трансплантация английского языка на территорию Австралии привела к формированию австралийского варианта (далее - AuE), эволюция которого сопровождалась рядом модификаций языковой системы.

Имеющие место трансформации языковой системы являются в значительной степени результатом изменения среды обитания транспортированного на новую почву языка. Следует отметить, что языковые изменения наиболее отчетливы на лексико-семантическом уровне и связаны в первую очередь с появлением пласта локальных неологизмов – лексических единиц, отражающих автохтонные культурные и языковые влияния.

Трансформация лексической системы во времени и в пространстве, как известно, протекает медленно и редко бывает доступной носителям языка. Исключение составляют процессы, обусловленные культурно-языковыми контактами, особенно в условиях значительного этнолингвистического разнообразия взаимодействующих сторон. Такого рода ситуация столкновения и дальнейшего взаимодействия различных по характеру культур и языков сложилась, в частности, на протяжении XIX-XX вв. на территории Австралии.

Лингвистические последствия контакта европейской культуры и культуры австралийских аборигенов, а также взаимодействия английского языка с автохтонными языками Пятого континента стали объектом проводимого нами исследования. При этом основное внимание уделялось этнокультурным факторам, способствующим преобразованию словарного состава английского языка в Австралии. К таковым, на наш взгляд, следует отнести, в частности, исторические особенности установления и развития контактных отношений европейской части населения с аборигенами.

Лексика, отражающая историю контактов поселенцев с местными племенами, условно может быть разбита на несколько групп.

1) фатическая (контактоустанавливающая) лексика – слова, появление которых было вызвано необходимостью общения с аборигенами, и которые использовались в качестве средства установления взаимопонимания контактирующих групп. К этому разряду можно отнести: а) лексику раннего контактного периода (XVIII в.) - весьма незначительный в количественном отношении класс слов, исключительно аборигенного происхождения, необходимых лишь для минимального общения; б) в значительной степени расширенный запас слов повседневного общения (XIX в.), сформированный на базе лексических единиц как автохтонного, так и общеанглийского фонда; в) разряд автохтонных единиц, семантика которых свидетельствует о фактах дизориентации сторон в языке и культуре друг друга;

2) реляционная лексика – слова, в семантике которых отражена история отношений переселенцев с коренными жителями: а) отношений обмена (XIX в.); б) “белой” политики уничтожения аборигенного населения Австралии; в) проведения мер по защите коренных жителей и организации помощи (втор. пол. XIX в.); г) ассимиляции аборигенов и их интеграции в австралийское общество (XX в.);

Начальные этапы колонизации материка характеризуются спорадическими контактами с туземцами. Особой необходимости в общении не возникало, поэтому лексика, относящаяся к начальному контактному периоду, представлена автохтонными заимствованиями, обозначающими повседневные занятия аборигенов, свидетелями которых могли стать белые поселенцы: *bogey* (1788, 1841)' – “swim, bathe”, *patta** (1790, 1847)" – “eat”, *cobra** (1790, 1833) – “head, skull”, *pialla* (1790, 1846) – “tell”, *nangry** (1790, 1853) – “sleep, rest”, *narang** (1790, 1879) – “little”, *cramma* (1798, 1912) – “steal” [CAND].

С 30х гг. XIX в. контакты с местным населением становятся более интенсивными, возникает необходимость в лексике, обозначающей “деньги”, “движения”, “средства коммуникации” и т. д. Например, “ходить пешком”- *mundowie** (1822, 1976), *yan** (1839, 1882), *footwalk** (1946, 1952); “понимать” - *make a light** (1834, 1893); “работать” – *yakka* (1847, 1926); “еда” - *kai* (1845, 1946); “деньги”

– *hoot* (1864, 1977); “рядом” – *longa** (1879, 1968); “беседовать” – *yabber** (1841, 1857), *wongi** (1872, 1976); “умирать” – *bung** (1841, 1886), *crack-a-back** (1867, 1893); “записка, сообщение” - *paper* (*talk*) (1849, 1958); “ульи диких пчел” – *sugar bag** (1830, 1985), *honey-bag** (1928, 1983); “много” - *plenty** (1834, 1951) [CAND]. Данные примеры показывают, что в этот период появляется лексика не только из разряда аборигенных заимствований, но и созданная на базе общего английского словаря, что свидетельствует о проявлении взаимной инициативы контактирующих сторон.

Употребление значительного количества (16 из 23) лексических единиц из данной подгруппы на стилистически сниженном уровне коммуникации – Australian Pidgin – также является подтверждением интенсификации коммуникативного процесса, который остается актуальным на современном этапе: *footwalk** (1946, 1952) – “to travel on foot” [CAND].

Привлекает внимание тот факт, что, как это часто бывает, дизориентация этнических представителей в сфере культурных реалий контактирующей стороны приводит к ложному истолкованию слов, которые заимствуются, и, как следствие, к своеобразному развитию их семантики в рамках заимствующей системы. Например, аборигенное заимствование *yarraman* в системе AuE имеет значение “a horse” (1842, 1984). В системе автохтонных языков, распространенных южнее Сиднея, слово *yiraman* (*yira*) означает “long teeth”. Единица была адаптирована системой пиджина, которым ранние поселенцы пользовались при общении с аборигенами. Используя слово *y* в значении “horse”, первые колонисты полагали что употребляют автохтонный термин. Аборигены же, в свою очередь, думали, что их научили английскому слову [CAND, 656].

Подобного рода путанница привела к трансформации в AuE значения автохтонного слова *quamby*, которое в буквальном переводе с языка аборигенов означает “to sleep; a sleeping place”. В AuE *quamby* употреблялось в значениях “to lie down, to camp” (1830, 1859) и “a camp, a temporary shelter” (1841, 1846). Модификация семантики вызвана неправильным истолкованием ритуала аборигенов. У туземцев существовал обычай падать на колени, выкрикивая “Quamby! Quamby!”, что означает “Mercy, mercy, spare me!”. Аборигены верили в то, что если их соплеменник “уснет”, то есть умрет, то он может воскреснуть в образе белого человека (ср.: *jump up white fellow**). Заметив лагерь, который разбивали колонисты, аборигены, моля о пощаде, выкрикивали слово “*quamby*”, которое должно было, по их представлениям, защитить их от смерти. Вследствие этого автохтонное значение слова *quamby* было ложно истолковано европейскими поселенцами и воспринималось как означающее “лагерь, временное укрытие”.

Современная лексика не является исключением и пополняет ряды слов с “ложной” семантикой. Доказательством тому служит происхождение названия популярного в Мельбурне карнавала *Moomba* (1955, 1985). По свидетельству Б. Блейка (B. J. Blake), “несомненно самым неудачным оказался выбор аборигенного термина для имени собственного, когда “отцы” города решили дать ежегодному фестивалю в Мельбурне название *Moomba*. Предполагалось, что название означает “Let’s get together and have fun”, но разве можно быть таким наивным, чтобы поверить в то, что все это выражено в двух слогах. В действительности, *moom* (*mum*) означает “buttocks”или “anus” в переводе с языков в области Виктории, а “*-ba*” – это суффикс, который может иметь значения “at”, “in” или “on”. Вероятно кто-то попытался интерпретировать фразу как означающую “up your bum” на местном языке” [CAND, 341].

Другой разряд слов, охватывающих тематику “установление контакта”, представлен реляционной лексикой. Появление такой лексики относится к периоду, когда контакты между европейцами и аборигенами стали развиваться более интенсивно и впоследствии приобретали характер обмена (*wog* (1940, 1981) – “ to buy (goods) or sell to the local inhabitants”). Основная часть слов данной подгруппы обозначает “алкоголь”, который являлся одним из главных продуктов обмена – *tumble down** (1827, 1845), *rum* (1834, 1944), *firewater* (1853, 1972); “транспортные средства” для доставки спиртных напитков аборигенам – *weelbarrow** (1848, 1879), *flagon-wagon* (1982, 1985), *grog-run* (1982); “табак” – *nailrod* (1886, 1967), *chewback** (1925, 1944); “пищу”, которую доставляли местным жителям в качестве угощения и благотворительных пожертвований – *tuck-out** (1847, 1863) “еда”, *ration* (1884, 1913) “провизия, пожертвованная правительством или религиозной миссией”, *bubble-bubble** (1888, 1923) “лепешки из муки и воды”[CAND].

Отношение белых поселенцев к местным жителям носило двоякий характер. Аборигенов часто преследовали, уничтожали, насильно вытесняли в глухие центральные районы страны, мало пригодные для существования. Такое отношение к туземцам иллюстрирует лексика XIX в.: *disperse* (1805, 1890) “drive Aborigines away from a particular area; commonly to seek out and kill (an Aboriginal or a party of Aborigines)”, *roving party* (1831, 1870) «a detachment of men engaged in the persuit ... of Aborigines”, *recruiting* (1892, 1911) “blackbirding” – аборигенов часто отлавливали для продажи в Квинслэнд в качестве рабочей силы. Однако правительство принимало некоторые меры по защите коренного населения и оказания ему благотворительной помощи. Лингвистическим подтверждением проводимой правительством политики служат слова, обозначающие официальных должностных лиц и организации, которые проводили работу по защите местного населения: *Protector* (*black protector*, *native protector*,

Protecror of (*the*) *Aboriginals*) (1835, 1947) “an official responsible for the welfare of the Aboriginal population of a particular district”, *Protectorate* (*Protectorate of* (*the*) *Aboriginals*) (1841, 1856) “the office or function of a Protector”, *Protectorate station* (1840) “an area of land reserved for Aborigines under a *protectorate system* (1842), the practice of delegating responsibility for Aboriginal welfare to Protectors of (the) Aborigines” [CAND].

Для местных жителей устраивали благотворительные праздники, где они получали продукты и одежду. Например, ежегодно 21 сентября проводили *Blanket Day* (1857, 1880) в честь дня рождения королевы.В последний четверг месяца (День Св. Георга) аборигенам раздавали одеяла (blankets) и различную одежду. Устраивают также праздник-пикник, который получил названия *pink-eye* *(1899, 1984) и *walkabout* (1908, 1974), где проводят нечто вроде игры: пищу подвешивают в воздухе или тащат по земле, туземцы должны ее поймать, чтобы утолить голод. Такие состязания проводят тогда, когда у “доброго хозяина” нет работы для местных. Устраивают прощальный пикник, и туземцы покидают поселения белых, возвращаясь к традиционному образу жизни. Такого рода традиция послужила стимулом для дальнейшего развития значения слова *walkabout* и появлению производного – (1910, 1969) “a journey on foot, as undertaken by an Aboriginal in order to live in the traditional manner (esp. one undertaken as a temporary withdrawal from white society)” [CAND]. Отметим, что слово *biŋga* в переводе с языка аборигенов означает “to hunt”, отсюда происходит еще одно название этого праздника - *pinki* или *pink-eye*.

Примером, свидетельствующим о мерах, проводимых в отношении коренного населения, может служить сочетание *sit down* (1931, 1981) “a rest, a stay”, которое употребляется во фразе *sit-down money** (1978, 1981) в значении “unemployment or welfare benefits”[CAND].

Лексика из разряда неологизмов свидетельствует о том, что аборигены Австралии сегодня – полноправные граждане и законные владельцы своих территорий: *assimilation* (1951, 1984) “the integration of Aborigines into white Australian society”, *traditional owner* (1974, 1982) “an Aboriginal who is a member of a local descent group having certain rights in a tract of land, esp. as recognized under the Aboriginal Land Rights (Northern Territory) Act 1976” [CAND].

Лексика, отражающая тематику национальных праздников, свидетельствует о социокультурной контаминации представителей этнических социумов. Например, ежегодно весной празднуют цветение акации/мимозы. В языковом сознании аборигенного населения этот праздник представлен как *Gohanna Days* – буквально “дни цветения акации”, когда растение излучает сильный аромат (возможно именно с сильным запахом растения связано популярное в Австралии поверье о том, что ветка цветущей акации в доме приносит неудачу). В языковом сознании белого населения Австралийского континента праздник цветения акации находит аналогичное отражение – *Wattle Day* (1910, 1985). Однако в AuE имеется еще одно наименование этого празднества – *Empire Day*. В данном случае образование синонимической пары вызвано причиной экстралингвистического характера: австралийская акация (*wattle*) - символ, флористическая эмблема Австралии, и ветка акции (a twig of wattle), наряду с фигурами эму и кенгуру, является элементом Государственного Герба Австралии. Сам объект номинации и термин для его обозначения имеют одинаково большое как культурное, так и политическое значение для населения континента.

Большой популярностью у сиднейцев пользуется весенний фестиваль *Warratah*. Источником номинации послужило слово *warrada* - заимствование из аборигенного языка Dharuk, которое обозначает вид растения (куст с ярко-красными цветами, похожими на тюльпан). *Warratah* – флористическая эмблема Нового Южного Уэльса. В AuE имеется несколько теминов для обозначения этого растения, образованных на основе английской лексики, например, *tulip tree*. Однако для названия праздника - *Warratah* (1956, 1984) - была выбрана именно автохтонная единица, поскольку она, вероятно, является наиболее интенсивной в передаче местного колорита.

Отметим, что такие животные и растения как *emu* и *kangaroo*, *wattle* и *warratah*, и многие другие, являясь наиболее распространенными и яркими представителями эндемичной флоры и фауны на австралийском континенте, оказались значимыми в культурном плане как для аборигенной части населения, так и для европейской, а, следовательно, служат одним из звеньев, объединяющих различные этнокультурные общества – природно-социальные феномены, сосуществующие в одном и том же пространственно-временном континууме, - и косвенным образом способствуют их этнокультурной контаминации.

Изученный нами лингвистический материал показывает, что исторические особенности установления и развития контактных отношений англоязычного этноса с аборигенами Австралии не только нашли яркое отражение в лексико-семантической системе английского языка на Пятом континенте, но и явились мощным культурным фактором ее формирования. Последствия влияния указанного фактора проявляются в генетическом и функциональном разнообразии языковых единиц. Данный пласт лексики наглядно демонстрирует специфику реализации таких функций языка как коммуникативная, фатическая и аккумулятивная.

ПРИМЕЧАНИЯ

'Здесь и далее цифры означают наиболее раннюю и последнюю даты из зафиксированных в письменных памятниках. "Здесь и далее единицы, отмеченные знаком *, употребляются на уровне Australian Pidgin.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Concise Australian National Dictionary/ Ed. by J. Hughes. – Melbourne: Oxford Univ. Press, 1992. – 662 p.